

УДК 572.026(98)

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

© 2015 г. Ф. Х. Соколова, Т. И. Трошина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

В статье проанализированы основные подходы современной науки к изучению проблемы устойчивости культурного кода в отношении северных коренных малочисленных народов (КМН), формирование которого происходило под сильным влиянием природно-климатического фактора, а именно экстремальных условий для жизни и деятельности человека. Актуальность этой проблемы заключается в том, что сохранение культуры КМН, а фактически и сохранение их как социально-культурных феноменов человеческой цивилизации, имеет не только этический или научный, но и практический интерес. Авторы делают вывод, что вся духовная и материальная жизнь этих народов была основана на принципах «экологического императива» (формулировка предложена академиком Н. Н. Моисеевым для обозначения этического содержания взаимоотношений человека и природы на этапе, когда экологический кризис становится реальной угрозой для всего человечества). Понять причины устойчивости всех сторон жизни КМН под мощным и постоянно усиливающимся давлением внешней цивилизации, позволивших с незначительной корректировкой сохранить их экономическую, культурную, духовную, повседневную жизнь, авторы предлагают путем анализа разнообразных культурных феноменов, схожих у изолированно проживающих на огромной территории и практически не имеющих возможности контактировать между собой этносов. Такие культурные «тексты» позволяют видеть процесс приспособления людей не просто к выживанию, а к полноценной жизни в условиях, являющихся экстремальными для представителей других культур.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Российская Арктика, экология культуры и социума, экологический императив

ECOLOGICAL DIMENSION OF CULTURE OF INDIGENOUS MINOROTIES IN RUSSIAN ARCTIC AREA

F. Sokolova, T. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

In the article, there have been analyzed the basic principles of contemporary science in study of the problem of culture code stability of the northern indigenous minorities which development was strongly influenced by the factors like nature and climate, namely by extreme conditions of human life and activity. This problem is important today as preservation of culture of the northern indigenous small ethnic communities and in fact their preservation as social, and cultural phenomena of the human civilization is of an ethic, scientific and practical interest. The authors proceeded from the assumption that the spiritual and material life of these minorities was based on the principles of “the ecological imperative” (the term is offered by the Academician N. N. Moiseev for designation of ethic content of human-nature interactions at the stage when the ecological crisis threatens the mankind). The authors have proposed to understand the reasons for sustainability of all the spheres of the minorities life under growing pressure of the external civilization by using an analysis of different culture phenomena, which are similar among the ethnic groups living independently on the vast territories and have no opportunity to communicate. That kind of culture “texts” reveals the process of human adaptation not only to the survival but also to the full value life under the conditions that are severe for representatives of other cultures.

Keywords: indigenous minorities, Russian Arctic Area, ecology of culture and society, ecological imperative

Библиографическая ссылка:

Соколова Ф. Х., Трошина Т. И. Экологическое измерение культуры коренных малочисленных народов Российской Арктики // Экология человека. 2015. № 11. С. 56–64.

Sokolova F., Troshina T. Ecological Dimension of Culture of Indigenous Minorities in Russian Arctic Area. *Ecologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2015, 11, pp. 56-64.

Арктика XXI века — регион геополитических и геоэкономических интересов многих стран мира, что обусловлено наличием огромных природных запасов, которые стали более доступными в результате глобального потепления климата и в связи с появлением современных технических разработок, позволяющих добывать ресурсы в глубоких водах.

По различным оценкам здесь сосредоточено 25–30 % минерально-сырьевых ресурсов мира, тогда как в регионе проживает лишь 7,5 % глобального социума [28, 37]. На площади Российской Арктики, составляющей около 10,5 млн км², проживает около 2 % населения страны, а производится почти 12 %

валового внутреннего продукта [32]. Одновременно Арктика является экологическим ресурсом всего человечества. Это касается не только ее уникальной природы, оказывающей влияние на климат всей Земли, но и автохтонного населения региона, вся жизнедеятельность и культура которых тесно взаимосвязана с окружающим ландшафтом.

Коренные малочисленные народы (КМН) этого экстремального для проживания региона сохранили специфическую культуру и особое мировоззрение. В условиях набирающего темпы промышленного освоения Арктики и приарктических территорий актуализируется проблема сохранения самобытной

культуры КМН, поскольку техногенные угрозы могут вызвать кардинальные изменения вмещающего (кормящего) ландшафта в связи с введением новых, интенсивных форм хозяйствования, а также иметь следствием нарушение экодемографического равновесия и этноэкологической системы: «вмещающий ландшафт — этноценоз» (включающий человека, одомашненных им животных, созданную им материальную культуру).

КМН арктической зоны Российской Федерации (РФ), проживающие в 8 субъектах страны, представлены следующими 14 этническими группами: долганы, керекы, кеты, нганасаны, ненцы, саамы, селькупы, чуванцы, чулымцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы. Их общая численность в арктических субъектах РФ на начало XXI века составляла 115,5 тыс. человек (4,1 % населения). Удельный вес КМН сравнительно высок в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах (АО) — 18,7, 7,4, 31,3 % соответственно. В арктических территориях Красноярского края (ранее Таймырский АО) КМН составляют 24,8 % населения [40]. Наиболее многочисленными из них являются ненцы, эвенки, эвены, чукчи. Одновременно керекы, нганасаны, чулымцы, энцы насчитывают менее тысячи человек.

Культура исследуемых этнических групп глубоко экологична и тесно взаимосвязана с естественной средой обитания, основана на принципах бережного и рационального отношения к природе. Из нее вытекают и ею объясняются все проявления культуры: тип материального производства; виды, сюжеты, семантика духовной культуры и искусства; особенности социальных норм, связей и отношений; мировоззренческий стержень народа.

Природа предопределила тип материальной культуры КМН Российской Арктики. Традиционная хозяйственная деятельность КМН (оленоводство, охота, морской зверобойный промысел, рыболовство, собирательство) основана на использовании преимуществ природного ландшафта, географических и климатических условий, присвоении продуктов и даров окружающей флоры и фауны. Ее экономическая эффективность и успешность напрямую зависит от экологической обстановки и бережного отношения к природе, вплоть до минимизации собственных потребностей в ее дарах — отсюда, например, заповедные реки и озера, а также тундры у ненцев.

На современном этапе в связи с тем, что нетронутых цивилизацией жизненных пространств становится все меньше, существенно сокращается удельный вес коренного населения, занятого в традиционных для них сферах жизнедеятельности. На начало XXI века он варьировал в пределах от 7,3 до 20 % представителей коренного народа, занятых в традиционных отраслях народного хозяйства [39]. Техногенные катаклизмы, обусловленные промышленным освоением региона, могут привести к полному свертыванию и исчезновению данных видов деятельности, и это при том, что еще в 1920-е годы признавалась необычайно высокая

рентабельность, например, оленеводства.

Окружающая флора и фауна предопределили тип жилища, культуру одежды и питания. Чумы, покрытые оленьей шкурой, легко собираемые и разбираемые, были приспособлены к кочевому и полукочевому образу жизни. На основе многовекового опыта использования растений и продукции животноводства выявлялись лечебные свойства даров природы, что сформировало систему здоровьесбережения.

Длительный и непростой процесс складывания формы наиболее комфортного проживания в тундре и вечной мерзлоте, сложность выживания в одиночку в суровых климатических условиях оказали существенное влияние на культуру социальных связей и отношений КМН. Экономические условия заставляли людей жить небольшими коллективами, сохраняя одновременно тесные родовые и племенные связи, предполагающие взаимную поддержку на принципах «моральной экономики». Вполне естественно с течением времени социальная самоорганизация существенно изменилась, однако в ментальности народов сохранились коллективистские установки, что всячески поддерживалось как царской администрацией, видевшей потенциальную угрозу этносоциальных конфликтов в социальном и имущественном расслоении туземцев, так и советской властью, особенно в период проведения массовой коллективизации.

Традиционная народная культура (декоративно-прикладное искусство, устное и музыкальное народное творчество) КМН основаны на использовании естественных материалов (дерева, кожи, меха, кости), в них отражено все многообразие природы. Окружающая среда являлась источником творческого вдохновения и удовлетворения эстетических потребностей этносов. Семантические сюжеты окружающего мира, растительный и зооморфный орнаменты украшают изделия из меха, кожи, кости, дерева, камней. Естественная среда обитания воспета в произведениях устного и музыкального народного творчества, нашла отражение в календарно-обрядовых праздниках (медвежий праздник, День оленя, День кита, праздник байдары), которые соотносятся с циклами природы и промысловой деятельностью.

Система традиционных знаний целиком и полностью базируется на опыте, извлеченном в результате многовековых наблюдений за явлениями природы, циклом жизни животных и растений.

Пожалуй, самое важное и характерное для духовной культуры КМН — это восприятие мира и вселенной как целостного, взаимосвязанного и взаимозависимого живого организма, где человек, общество и природа находятся в синкретичном единстве, что побуждало КМН Арктики почтительно и бережно относиться к окружающей среде, соотносить свои поступки и поведение с ней, думать о последствиях своих действий. Система запретов и табу на внесезонную охоту, отстрел молодняка и самок, соблюдение особых предписаний по сохранению популяции животных, правил и ритуалов накануне промыслового сезона, во

время охоты, установление норм взаимоотношений с «хозяевами» природных стихий, леса и тундры, предписания быть милостивым ко всему живому, брать у природы самое необходимое, глубокое понимание того, что во взаимоотношениях между природой и человеком действует принцип бумеранга, — важная составляющая мировоззрения КМН.

Истоки подобного мировосприятия исходят из языческих религиозных верований, которые являются ядром культуры КМН, определяют образ мышления и всей жизни в целом. С различными вариациями и акцентами в культуре народов Арктики представлены все формы языческих религиозных верований. Пантеизм (обожествление могущественных стихий природы и покровителей определенных сфер жизнедеятельности человека, связанных с экономической деятельностью), анимизм (представления о существовании души, духов у каждого объекта живой и неживой природы), тотемизм (культ животных, вера в первопредка человека в облике животных: медведя, оленя и др.), фетишизм (культ священных мест, деревьев и камней) способствовали бережному и рачительному отношению к природе.

Несомненно, в процессе христианизации КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока первоначальные религиозные верования существенно видоизменились, нередко представляя некий симбиоз язычества и христианства. Однако принятие христианства представителями КМН нередко носило формальный характер и было продиктовано стремлением получить определенные преференции (в виде освобождения от налога (ясака) и др.) и не являлось существенным фактором для кардинального изменения их мировоззренческих ориентиров [24]. Отдаленность от крупных магистральных путей, эпизодические контакты с представителями титульной и других наций, обусловленные кочевым и полукочевым образом жизни, наряду с церковной политикой Российского государства по отношению к КМН, которая не отличалась острой конфронтационностью и религиозной нетерпимостью, позволили сохранить «культурный код» северных народов.

Тематика народов северного циркумполярного мира имеет давнюю исследовательскую традицию, однако до конца XX века она рассматривалась преимущественно в контексте патерналистской и модернизационной концепций. Северные малочисленные этносы принято было считать отсталыми, находящимися на нижней ступени человеческого развития; ставились задачи их ассимиляции в политическое, экономическое и культурное пространство титульной нации, объясняя это необходимостью приобщения данных этносов к благам цивилизации и прогресса, улучшения условий жизни и труда. Был значителен пласт этнографических исследований, однако теоретико-методологическая база данных исследований, как правило, базировалась на эволюционистских подходах, согласно которым считалось, что детальное изучение традиционной культуры и быта КМН позволяет изучить жизнь человеческой

цивилизации на его ранних стадиях развития.

Последние десятилетия XX века положили начало качественно новому этапу в осмыслении исследуемой проблемы. Существовавшая десятилетиями политическая практика сменилась на диаметрально противоположную. Мировое сообщество приходит к осознанию ценности и значимости всех культур мира, акцентируется внимание на необходимости создания равенства возможностей и прав всех народов на самостоятельный выбор собственной исторической судьбы и форм жизнедеятельности.

В числе факторов, обусловивших смену приоритетов по отношению к КМН, следует назвать следующие: 1) проблемы и противоречия на пути процессов глобализации и интернационализации, охватившие все страны и сферы жизнедеятельности, вызывают обратную реакцию, направленную на сохранение культурно-национальной самобытности отдельных народов; 2) реальность мирового политического развития рубежа XX—XXI веков — расширение процессов демократизации, в основе которой лежит признание прав и свобод всех народов, независимо от места проживания, расовой и религиозной принадлежности, форм жизнедеятельности. Данные процессы постепенно приводят к осознанию народами самоценности и значимости собственной культуры.

В России повышенный интерес к проблеме коренных народов, с одной стороны, обусловлен общемировыми процессами, с другой — имеет собственные причины. В частности, на фоне распада некогда мощного централизованного государства, которое зачастую допускало серьезные ошибки в проведении этнонациональной политики, возросло стремление народов многонационального государства к самоопределению, обеспечению реальных прав и свобод, сохранению и развитию национально-культурной самобытности.

Нельзя не упомянуть и о практическом интересе к КМН, которые на протяжении веков показали удивительную устойчивость ко всем видам негативной среды — как природно-климатической, так и социальной. Глобальные проблемы, с которыми сталкивается человечество, заставляют обратить внимание на причины жизнеспособности, устойчивого естественного воспроизводства, психического и физического здоровья КМН Крайнего Севера. Среди объяснений — следование традициям в образе жизни: занятиях, питании, отношении к окружающей среде. Многие катастрофические негативные события в жизни представителей КМН (алкоголизация, распространение заболеваемости и проч.) являются следствием «включения» их в общемировую цивилизацию, нарушение традиционного жизненного и социального баланса. Вместе с тем ослабление цивилизационных усилий внешней среды способствует довольно быстрому восстановлению, казалось бы, утерянной традиции. В 1990-е годы, кризисные почти для всех народов бывшего СССР, отдельные, прежде всего кочевые, народы Севера «едва ли не первыми

в России со свойственной кочевникам решимостью повернули в русло отношений частной собственности и рынка, используя собственный этнокультурный ресурс — оленеводство» [13]. КМН начинают успешно вписываться в современный мир, включая и новые формы экономической деятельности, связанные с использованием основ традиционной культуры, например, экологический и этнокультурный туризм. Такая жизнеспособность не может не стать объектом пристального научного и общественного внимания.

При том внутренняя жизнь северных народов, несмотря на усилия советской власти по выделению из их среды людей для занятий этнографией, могущими изнутри описать культуру, носителями которой они являлись, воспроизводится преимущественно глазами внешних наблюдателей. Многие нюансы этнической психологии могут остаться без должного внимания политических деятелей и исследователей, что может обернуться реальными угрозами для национальной безопасности страны. В частности, предоставление значительных прав и привилегий на безвозмездное пользование в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий и общераспространенными полезными ископаемыми; на получение материальных и финансовых средств не только от государственных органов, но и международных организаций, общественных объединений и физических лиц [31], могут стать «предметом торга» или безответственных идеологических спекуляций, целью которых являются огромные минеральные богатства территорий, населенных северными народами.

Актуальным в этих обстоятельствах является изучение психологического настроения, удовлетворенности жизнью КМН. Осознание этого происходит; любые мероприятия, связанные с индустриализацией края, предваряет этнологическая экспертиза [49]. Однако собственно этнографическая информация, без специального анализа, отражает самый близкий современности пласт культуры. Еще со времен М. Вебера исследователи пришли к твердому убеждению, что именно подсознательный уровень культуры, являющийся результатом всей предшествующей ментальной деятельности народа, представляет собой фундамент, на котором возникают не только социальные, но и экономические отношения. Именно раскрытие «культурного кода» народа дает ключ к пониманию его прошлого, настоящего и будущего.

К теме судеб КМН систематически обращаются историки, юристы, экономисты, культурологи, этнографы, краеведы [23, 44, 47]. В настоящее время изучение проблемы активизировалось как в плане теоретико-методологического осмысления, так и в контексте конкретных историко-культурных и этнографических изысканий.

В связи с тем, что в международной и российской правовой практике нет единых подходов в понимании сущности и содержания используемых понятий (в частности, международное сообщество оперирует

понятием «коренные народы», тогда как в России исследуемые этнические группы именуются «коренными малочисленными народами»), активизировались попытки осмысления категориального аппарата [9, 11, 34]. Значительный пласт исследований посвящен анализу жизнедеятельности коренных малочисленных народов в условиях современных глобальных социокультурных трансформаций в мире [26, 35, 42].

Традиционно повышенный интерес исследователей вызывают сюжеты, связанные с государственной политикой в отношении коренных малочисленных народов. Следует отметить, что в начале XXI века в связи с признанием самоценности культуры коренных малочисленных народов, ростом обеспокоенности мирового сообщества по поводу исчезновения уникальных памятников мировой и отечественной культуры, в том числе в результате стремительного вторжения техногенной цивилизации в зону обитания приарктических народов, ускорился процесс осмысления проблемы в рамках демократической парадигмы [3, 41, 50]. Исследуется влияние на северные народы результатов патерналистских усилий государств, в которые они оказались включены: образование, предполагающее насильственный отрыв от традиционных занятий и образа жизни; поощрение перехода на оседлый образ жизни, изменения структуры питания и проч. [16, 17].

На уровне солидных монографий и диссертационных исследований начинают обсуждаться вопросы, посвященные анализу и осмыслению вопросов государственного регулирования прав КМН на выбор ими собственной исторической судьбы, традиционного уклада жизни и культурного самоопределения [22, 47]. Устойчивый интерес проявляется к проблемам сохранения и возрождения родного языка и культуры КМН [1, 2, 5, 12, 38].

С конца XX века, в связи с интенсивным промышленным освоением северных регионов, началось и сейчас активно развивается новое научное направление, нацеленное на изучение демографических проблем коренных народов, их здоровья в условиях тяжелого для большинства населения земли климата, влияния на их образ жизни резкого вторжения цивилизации — начиная от бытовых предметов до беспрецедентного демографического давления, а также изменения климата, которое принято рассматривать как результат интенсивной промышленной деятельности людей [4, 19, 21, 27, 36].

Авторы исследований хозяйственных, социальных, культурных адаптационных механизмов к экстремальным северным условиям делают акцент именно на культуре как адаптивной системе, с помощью которой происходит отбор наиболее адекватных для выживания в тяжелых (природно-климатических или социальных) условиях стратегий приспособления [13, 17].

В числе вновь появляющихся исследовательских сюжетов — тематика экологии культуры КМН, влияния естественной среды обитания на их со-

циокультурные ориентиры [20, 22, 29, 33, 43, 46]. Однако данный срез темы представлен в настоящее время единичными научными разработками постановочного характера, что актуализирует настоящее исследование.

В связи с вышеизложенным видится важным осуществить обобщенный анализ сущностных черт культуры КМН на основе экологического подхода, т. е. через призму взаимосвязей и взаимодействий человека и социума с окружающей средой.

Социально-философское осмысление проблемы места и роли КМН в современном мире и структуре глобального социума видится необходимым осуществлять на основе цивилизационного подхода, который в отличие от формационной и эволюционной теорий признает самоценность всех народов мира и их культур, не ранжируя по степени отсталости или прогрессивности. Представляется перспективным использование теоретико-методологических подходов А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, Л. Н. Гумилева, которые отрицали идею однолинейного поступательного развития человечества от низшей стадии к высшей и рассматривали каждый этнос как исторический уникум, развивающийся в пространстве и времени, имеющий собственную неповторимую культуру, которая достойна признания и уважения [14, 15, 45]. Данный концепт позволяет исследовать КМН как равноправных членов мирового сообщества, обладающих правом на развитие собственной культуры.

Мысль Л. Н. Гумилева о том, что смена (или изменение, нарушение) «кормящего» ландшафта может привести к потере устойчивости этноса, является одной из основ для объяснения в целом неудачных государственных усилий по приобщению северных КМН к общим стандартам жизни [18]. Не соглашаясь с практическими рекомендациями сторонников Л.Н. Гумилева, которые грешат, как думается, излишним биологизмом, следует отметить обоснованность сделанного ими вывода о бесполезности и вредности «тотального государственного патернализма». Созвучны с идеями вышеназванного исследования и современные подходы в исторической и социальных науках, объединенные понятием «культурного поворота». Сошлемся на выводы израильского социолога Ш. Эйзенштадта, который на примере более многочисленных народов показал, что насильственная модернизация всегда вызывает протест, имеющий прежде всего культурные предпосылки (будь это революция или какие-то формы социальной дезадаптации) [48].

Опыт устойчивого культурного (в том числе в хозяйственном и социальном отношении) существования северных КМН, сохраняющих в условиях экстремального проживания, а также под давлением наступающей со всех сторон техногенной цивилизации свою самобытность, проявляющуюся как во внутренней бесконфликтности, так и в гармоничном симбиозе с природным и социальным окружением, можно, по мнению авторов, рассмотреть в рамках

концепта «экологического императива». Автор этого понятия советский академик Н. Н. Моисеев предлагает определять его как «форму запретов и ограничений, распространяющихся на любую человеческую деятельность ради сохранения живой природы, защиты окружающей среды, жизни» [30]. Правомерность использования данного теоретико-методологического подхода объясняется тем, что традиционная культура КМН табуирована и построена на совокупности запретов и предписаний, строго регламентировавших пределы допустимости в поведении человека и в системе его взаимоотношений с природой и обществом.

Совокупность вышеназванных методологических подходов позволяет рассматривать КМН как исторический уникум, развивающийся согласно собственным закономерностям, выявить сущностные черты и особенности их культуры, систему взаимосвязей с окружающей средой.

Несомненно, политика ассимиляции КМН в культуру титульной нации, степень интенсивности контактов с представителями созданных на их территории проживания государств, сказалась на степени сохранности культуры КМН. Однако, отличаясь высокими адаптивными способностями к окружающему миру, эти народы продолжают попытки противостоять процессам ассимиляции, сохраняя свою культурно-этническую идентичность.

Сохраняется и развивается язык как важнейший фактор этнической идентичности. По данным Всероссийской переписи 2010 года, владеют родным языком 45,3 % ненцев, 28,8 % чукчей, более 20 % селькупов, эвенов, эскимосов, более 10 % долган, саамов, эвенков [6].

За период 1959–2010 годов заметно возросла численность КМН в России. Так, общая численность эвенов увеличилась на 141,9 %, ненцев на 95,4 %, эскимосов и эвенков более чем на 56 %, чукчей на 36,2 %. Одновременно ряд этнических групп: саамы, селькупы по динамике численности пребывают практически в статичном состоянии [6,7].

В арктических субъектах РФ за период 1989–2010 годов существенно возросла численность КМН, тогда как количество русских неуклонно сокращалось. Так, численность ненцев в Ненецком автономном округе (НАО) и Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) увеличилась на 16,8 и 42,3 % соответственно. Общая численность чукчей в Чукотском АО – на 7,2 %, эвенков и эвенов в Республике Саха (Якутия) соответственно на 45,6 и 73,8 %. Заметно повысился их удельный вес в структуре населения арктических субъектов РФ. Так, в НАО удельный вес ненцев возрос с 11,8 до 16,8 %, в ЯНАО – с 4,3 до 5,7 %, чукчей в Чукотском АО – с 7,6 до 25,3 %, в Республике Саха (Якутия) эвенков с 1,3 до 2,2 %, эвенов с 0,8 до 1,6 % [6, 8]. Объяснение кроется не только в сокращении естественного прироста русского населения, его массовом оттоке из северных регионов, но одновременно в росте этнического самосознания КМН в современных условиях, а также их высоких

адаптационных способностях к изменениям окружающей социальной и природной среды.

Как справедливо отметил К. П. Иванов, пассивное, но упорное сопротивление представителей северных народов «цивилизующим» усилиям государства в действительности является способом противодействия разрушению «культурного кода», который у этих народов оказался более устойчивым, чем у других народов, и объясняется это особо жестким закреплением норм и навыков (внешним проявлениям «сигнальной наследственности»), что позволяло выживать населению в северных условиях [17].

Немецкий философ XVIII века И. Г. Гердер писал в свое время, что «славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории» [10]. И действительно, в XIX и XX веках славяне, в первую очередь русские, становятся важнейшими акторами на сцене мировой истории. Возможно, и коренным малочисленным народам уготовлена более существенная роль в будущем, угрожающем нам не столько войнами, сколько техногенными катаклизмами, демографическим и экологическим кризисами.

Дальнейшее исследование культуры, образа жизни, экологического генома, опыта адаптации и использования природного ландшафта различными этносами арктической зоны, с одной стороны, является основой для сохранения этнохозяйственной уникальности и самобытности, этнографического и культурного наследия России и мира в целом, с другой — представляется полезным для формирования природно-культурных территориальных комплексов, которые станут «результатом совместного творчества человека и природы», что будет являться свидетельством «эволюции человеческого общества под влиянием условий природной среды и социальных, экономических и культурных процессов» [25].

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Список литературы

1. Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение к системе культуры коренных малочисленных народов Севера : дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2006. 189 с.
2. Артеменко О. И. Культура и образование коренных малочисленных народов Севера. М. : АНО "Ин-т нац. проблем образования", 2007. 191 с.
3. Астахова И. С. Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. 2011. № 3. С. 88–95.
4. Боговлевский Д. Д. Демографические проблемы малочисленных народов Севера // Население России 1994 : второй ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М. : Евразия, 1994. С. 144–160.
5. Воробьева И. А. Социокультурные условия развития коренных малочисленных народов Таймыра : дис. ... канд.

пед. наук. Москва, 2006. 227 с.

6. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 30.11.2014)

7. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения // Демоскоп. № 647-648. 15–30 июня 2015 года. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pac_59.php (дата обращения 15.07.2015).

8. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц // Демоскоп № 623-624, 15–31 декабря 2014 года. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 30.11.2014).

9. Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420.

10. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества : монография. М. : Наука, 1977. 703 с.

11. Гололев П. В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири, Дальнего Востока России: проблемы терминологической определенности // Правовое государство: Теория и практика. 2014. Т. 3. № 37. С. 60–64.

12. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции со-малыицев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 600 с.

13. Головнев А. В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.

14. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Кристалл, 2001. 640 с.

15. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.

16. Долматова С. А. Кризис традиционных этнохозяйственных сообществ в условиях глобализации: коренные народы Российского севера. М. : ИМЭМО РАН, 2003. 87 с.

17. Иванов К. П. Проблемы этнической географии. СПб. : СПбГУ, 1998. 216 с.

18. Иванов К. П., Хрущев С. А. Значение теории Л. Н. Гумилева для изучения малочисленных народов севера России. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/GW/gw228.htm> (дата обращения 15.07.2015)

19. Карпин В. А., Филатова О. Е., Солтыс Т. В., Соколова А. А., Башкатова Ю. В., Гудков А. Б. Сравнительный анализ и синтез показателей сердечно-сосудистой системы у представителей арктического и высокогорного адаптивных типов // Экология человека. 2013. № 7. С. 3–9.

20. Красовская Т. М. Экологическая рациональность мировоззрения коренных малочисленных народов Крайнего Севера России // Этноэкологические аспекты духовной культуры : сб. ст. / под ред. В. И. Козлова. М. : ИЭА, 2005. С. 150–175.

21. Кривоногов В. П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 445 с.

22. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М. : Наука, 1989. 270 с.

23. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М. : Норма, 2010. 560 с.

24. Кузьмина А. С. Христианизация коренных малочисленных народов Обского Севера. Культурологический аспект. СПб. : Инфо-да, 2004. 149 с.

25. Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. 46 с.

26. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций : коллективная монография / Копцева Н. П., Сертакова Е. А., Ильбекина М. И. и др. СПб. : Эйдос, 2011. 174 с.
27. Куриков В. М. Стратегия развития северных этносов. Екатеринбург, Ханты-Мансийск, 1999. 298 с.
28. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2012. 482 с. С. 42–43.
29. Мархинин В. В., Удалова И. В. Этнос и экология: социокультурные ориентиры народов Севера // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, № 1. С. 60–65.
30. Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика. М. : Молодая гвардия, 1988. 254 с.
31. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» ФЗ № 82 от 30.04.1999 с изменениями от 26.06.2007 (№ 118-ФЗ) и от 05.04.2009 (№40-ФЗ) <http://docs.prospsb.ru/content/base/77555> (дата обращения 10.06.2015).
32. Павленко В. И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 16–25.
33. Пестрикова И. Е. Роль географического фактора в формировании менталитета коренных малочисленных народов Западной Сибири // Омский научный вестник. 2010. № 4 (89). С. 39–43.
34. Пименова Н. Н. Коренные малочисленные народы в современной ситуации: объем и содержание понятия // Социодинамика. 2015. № 1. С. 112–134.
35. Попков Ю. В. Коренные малочисленные народы Севера в современном мире: концептуальные вопросы развития // Культура Арктики / под общ. редакцией У. А. Винокуровой. Якутск, 2014. С. 77–88.
36. Попова А. Г. Расселение, численность и миграция коренных малочисленных народов Севера Якутии // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. № 4. С. 196–201.
37. Селин В. С., Васильев В. В. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики. Апатиты : Кольский научный центр РАН, 2010. 191 с.
38. Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера / О. В. Акулич и др., науч. ред. Е. М. Кокорев. Магадан : Изд-во СВГУ, 2009. 265 с.
39. Соколовский С. В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции : сб. ст. / под ред. Е. И. Филиппова. М., 2008. С. 49–70.
40. Соколова Ф. Х. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 51–69.
41. Слепцов А. Н. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 188 с.
42. Суляндзига Р. В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: обзор современного положения. М., 2003. 142 с.
43. Теребихин Н. М. Сакральная экология и традиционные знания народов Севера (к постановке проблемы) // Экология человека. 2014. № 8. С. 57–63.
44. Тишков В. А. Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы: доклад на Общем собрании РАН, 16 декабря 2014 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5033#top-content (дата обращения 15.06.2014).
45. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
46. Трошина Т. И. От Петра I до Сталина: социальная история Русского Севера : монография в 2 кн. Архангельск : Поморский университет, 2009. Кн. 1. 288 с. Гл.: Влияние природно-климатического фактора на социальную организацию, демографические процессы и быт населения Русского Севера. С. 14–34; Кн. 2. 215 с. Гл.: Географическая и социальная мобильность населения. С. 163–173.
47. Харючи С. Н. Правовые проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера России : дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009. 509 с.
48. Эйзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: Культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 190–212.
49. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / Головнев А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Екатеринбург, 2014. 232 с.
50. Юдин В. И. Эволюция государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов Севера // Власть. 2012. № 1. С. 29–33.

References

1. Algad'eva T. M. *Traditsionnoe mirovozzrenie k sisteme kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa. Kand. diss.* [Traditional worldview on the system of culture of the indigenous peoples of the North. Cand. Diss.]. Tyumen, 2006, 189 p.
2. Artemenko O. I. *Kul'tura i obrazovanie korennykh malochislennykh narodov Severa* [Culture and education of indigenous peoples of the North]. Moscow, 2007, 191 p.
3. Astakhova I. S. Authority and indigenous peoples of the North: the experience of interaction by the example of the Sakha (Yakutia) Republic. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2011, 3, pp. 88–95. [in Russian]
4. Bogoyavlenskii D. D. Demograficheskie problemy malochislennykh narodov Severa [Demographic issues of indigenous minorities of the North]. In: *Naselenie Rossii 1994: Vtoroi ezhegodnyi demograficheskii doklad* [Population of Russia in 1994. The second annual demographic report]. Moscow, 1994, pp. 144–160.
5. Vorob'eva I. A. *Sotsiokul'turnye usloviya razvitiya korennykh malochislennykh narodov Taimyra. Kand. Diss.* [Social and cultural conditions of development of indigenous peoples of the Taimyr: D.Ph. thesis]. Moscow, 2006, 227 p.
6. *Vserossiiskaya perepis' 2010 goda* [All-Russian population census 2010]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 30.11.2014).
7. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya* [All-union population census 1959. National population structure.]. In: *Demoskop*. № 647–648. 15–30.06.2015. [Demoscope, no. 647–648, 15–30.06.2015]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (accessed 15.07.2015).
8. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Chislennost' naseleniya SSSR, RSFSR i ee territorial'nykh edinit.* [All-union population census 1989. Population of USSR, Russian Federation and its territorial units.]. In: *Demoskop*. № 623–624. 15–31 декабря 2014 года [Demoscope, no. 623–624, 15–31 декабря 2014 года]

15-31.12.2014]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (accessed 10.01.2015).

9. Garipov R. Sh. Ponyatie «korennoi narod» i ikh status v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave [The notion “indigenous people” and its status in international and national law.] In: *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International Law and International Organizations]. 2013, 3, pp. 408-420. [in Russian]

10. Gerder I. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas about philosophy of human history]. Moscow, 1977, 703 p.

11. Gogolev P. V. Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri, Dal'nego Vostoka Rossii: problemy terminologicheskoi opredelennosti [Indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia: the problems of term determinancy]. In: *Pravovoe gosudarstvo: Teoriya i praktika* [The Rule of Law State: Theory and Practice]. 2014, 3 (37), pp. 60-64. [in Russian]

12. Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury. Traditsii samodiitsev i ugrov* [Talking cultures. Traditions of Samoyeds and Ugric peoples]. Yekaterinburg, 1995, 600 p.

13. Golovnev A. V. *Kochevniki tundry. Nentsy i ikh fol'klor* [Tundra nomads. The Nenets and their folklore]. Yekaterinburg, 2004, 344 p.

14. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Saint Petersburg, 2001, 574 p.

15. Danilevskii N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, 1991, 574 p.

16. Dolmatova S. A. *Krizis traditsionnykh etnokhozyaystvennykh soobshchestv v usloviyakh globalizatsii: korennye narody Rossiiskogo severa* [Crisis of traditional ethnoeconomic communities under globalization: indigenous peoples of the Russian North]. Moscow, 2003, 87 p.

17. Ivanov K. P. *Problemy etnicheskoi geografii* [Problems of ethnic geography]. Saint Petersburg, 1998, 216 p.

18. Ivanov K. P., Khrushchev S. A. *Znachenie teorii L. N. Gumileva dlya izucheniya malochislennykh narodov severa Rossii* [The importance of the L. N. Gumilev's theory for study of the indigenous peoples of the Russian North]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/GW/gw228.htm> (accessed 15.07.2015).

19. Karpin V. A., Filatova O. E., Soltyis T. V., Sokolova A. A., Bashkatova Yu. V., Gudkov A. B. Comparative analysis and synthesis of the cardiovascular system indicators of representatives of Arctic and Alpine adaptive types. *Ekologiya Cheloveka* [Human Ecology]. 2013, 7, pp. 3-9. [in Russian]

20. Krasovskaya T. M. *Ekologicheskaya ratsional'nost' mirovozzreniya korennykh malochislennykh narodov Krainego Severa Rossii* [Environmental soundness of the world view of indigenous peoples of the Russian High North] In: *Etnoekologicheskie aspekty dukhovnoi kul'tury* [Ethnoecological aspects of spiritual culture Collection of scientific works]. Moscow, 2005, pp. 150-175.

21. Krivonogov V. P. *Sovremennye etnicheskie protsessy u malochislennykh korennykh narodov Srednei Sibiri. Dokt. diss.* [Current ethnic processes by indigenous small peoples of the Central Siberia. Doct. Diss.]. Novosibirsk, 2000, 445 p.

22. Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya. Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenovodov Severnoi Evrazii* [Models of traditional nature management of chasers and reindeer-breeders of the Northern Eurasia]. Moscow, 1989, 270 p.

23. Kryazhkov V. A. *Korennye malochislennye narody Severa v rossiiskom prave* [Indigenous peoples of the North in the Russian law]. Moscow, 2010, 560 p.

24. Kuz'mina A. S. *Khristianizatsiya korennykh malochislennykh narodov Ob'skogo Severa. Kul'turologicheskii aspekt* [Christianization of indigenous peoples of the Ob North. The culturological aspect]. Saint Petersburg, 2004, 149 p.

25. Kuleshova M. E. *Upravlenie kul'turnymi landshaftami i inymi ob'ektami istoriko-kul'turnogo naslediya v natsional'nykh parkakh* [The management of culture landscape and other objects of historical and cultural heritage in national parks]. Moscow, 2002, p. 46.

26. *Kul'tura korennykh i malochislennykh narodov Severa v usloviyakh global'nykh transformatsii* [Culture of indigenous small peoples of the North under the conditions of global transformations]. Eds. Kopceva N. P., Sertakova E. A., Ilbejkina M. I. Saint Petersburg, 2011, 174 p.

27. Kurikov V. M. *Strategiya razvitiya severnykh etnosov* [The strategy of development of the northern ethnic groups]. Yekaterinburg, Khanty-Mansiysk, 1999, 298 p.

28. Lukin Yu. F. *Rossiiskaya Arktika v izmenyayushchetsya mire* [Russian Arctic in the changing world]. Arkhangelsk, 2012, 482 p.

29. Markhinin V. V., Udalova I. V. Etnos i ekologiya: sotsiokul'turnye orientiry narodov Severa [Ethnos and ecology: social and cultural cues of the Northern peoples]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [The Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin: Philosophy]. 2011, 9 (1), pp. 60-65. [in Russian]

30. Moiseev N. N. *Ekologiya chelovechestva glazami matematika* [Ecology of the mankind through the eyes of the matematician]. Moscow, 1988, 254 p.

31. «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii» FZ №82, 30.04.1999 s izmeneniyami ot 26.06.2007 (№118-FZ) i ot 05.04.2009 (№40-FZ) [About guarantees of indigenous peoples of the Russian Federation. The Federal act no. 82, 30.04.1999] URL: <http://docs.procspp.ru/content/base/77555> (accesses 10.06.2015).

32. Pavlenko V. I. Arkticheskaya zona Rossiiskoi Federatsii v sisteme obespecheniya natsional'nykh interesov strany. [The Arctic zone of the Russian Federation in the system of ensuring of state interests of the country] In: *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2013, 4, pp. 16-25. [in Russian]

33. Pestrikova I. E. Rol' geograficheskogo faktora v formirovani mentaliteta korennykh malochislennykh narodov Zapadnoi Sibiri [The role of geographic factor in mentality building of indigenous peoples in Western Siberia]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. 2010, 4 (89), pp. 39-43. [in Russian]

34. Pimenova N. N. Korennye malochislennye narody v sovremennoi situatsii: ob'em i sodержание ponyatiya [Indigenous peoples in the current situation: extent and content of the term]. In: *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. 2015, 1, pp. 112-134. [in Russian]

35. Popkov Yu. V. Korennye malochislennye narody Severa v sovremennom mire: kontseptual'nye voprosy razvitiya [Indigenous peoples of the North in the modern world: conceptual matters of development]. In: *Kul'tura Arktiki. Kollektivnaya monografiya* [The culture of Arctic. Collective monograph]. Yakutsk, 2014, pp. 77-88.

36. Popova A. G. Rasselenie, chislennost' i migratsiya korennykh malochislennykh narodov Severa Yakutii [Settlement, population size and migration of indigenous peoples of the Northern Yakutia]. In: *Strategiya ustoichivogo razvitiya regionov Rossii* [Strategy of sustainable development

of regions in Russia]. 2010, 4, pp. 196-201. [in Russian]

37. Selin V. S., Vasil'ev V. V. *Vzaimodeistvie global'nykh, natsional'nykh i regional'nykh ekonomicheskikh interesov v osvoenii Severa i Arktiki* [Interaction of global, national and local economic interests in development of the Arctic North]. Apatity, 2010, 191 p.

38. *Sovremennye problemy sotsiokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa* [Current challenges of social and cultural development of indigenous peoples of the North]. Magadan, 2009, 265 p.

39. Sokolovskii S. V. *Korennye narody: mezhdru integratsiei i sokhraneniem kul'tur* [Indigenous peoples: between integration and preservation]. In: *Etnicheskie kategorii i statistika. Debaty v Rossii i vo Frantsii* [Ethnic categories and statistics. The debate in Russia and in France]. Collection of scientific works. Moscow, 2008, pp. 49-70.

40. Sokolova F. Kh. Indigenous peoples of the Arctic: concept, current state of culture. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2013, 12, pp. 51-69. [in Russian]

41. Sleptsov A. N. *Gosudarstvennaya politika v sfere obespecheniya prav korennykh malochislennykh narodov Rossii. Kand. dis.* [Government policy in the sphere of ensuring the rights of indigenous peoples of Russia. Cand. Diss.]. Moscow, 2005, 188 p.

42. Sulyandziga R. V. *Korennye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: obzor sovremennogo polozheniya* [Indigenous peoples of the North Siberia and the Far East of the Russian Federation: current review]. Moscow, 2003, 142 p.

43. Terebikhin N. M. *Sacrs ecology and traditional knowledge of peoples of the North. Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2014, 8, pp. 57-63. [in Russian]

44. Tishkov V. A. *Korennye narody rossiiskoi Arktiki: istoriya, sovremennyyi status, perspektivy: doklad na*

Obshchem sobranii RAN, 16 dekabrya 2014 g. [Indigenous peoples of the Russian Arctic: history, current status, prospects: the report on the assembly of Russian Academy of Sciences, 16 December 2014], URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5033#top-content (accessed 15.06.2015).

45. Toinbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Oxford University Press, 1961. In Russian: Moscow, 1991, 736 p.

46. Troshina T. I. *Ot Petra I do Stalina: sotsial'naya istoriya Russkogo Severa* [From Peter I to Stalin: social history of the Russian North. In 2 vol.]. Arkhangelsk, 2009.

47. Kharyuchi S. N. *Pravovye problemy sokhraneniya i razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa Rossii. Dokt. Dis.* [Legal issues of preservation and development of indigenous peoples of the North of Russia. Doct. Diss.]. Tyumen, 2009, 509 p.

48. Eizenshtadt Sh. Constructive elements of the great revolutions: culture, social structure, history and human activity. *THESIS*. 1993, 1, iss. 2, pp. 190-212. [in Russian]

49. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochev'ya i gazovye mestorozhdeniya* [Ethnoexpertise on Yamal: Nenets nomads' camps and gas deposits]. Yekaterinburg, 2014, 232 p.

50. Yudin V. I. Evolution of the state policy of Russia with respect to indigenous peoples of the North. *Vlast'* [The Power]. 2012, 1, pp. 29-33. [in Russian]

Контактная информация:

Соколова Флера Харисовна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и международных отношений ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» Министерства образования и науки Российской Федерации
Адрес: 163002, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 2.
E-mail: flera@atnet.ru